

ИСТОРИЗМ

П. Акройд

ВЕНЕЦИЯ. ГОРОД СВЯТОГО МАРКА Перевод В.С. Кулагиной-Ярцевой

Аннотация. Появление в Венеции в 828 году мощей Святого Марка полностью изменило характер и статус города. Святой Марк стал синонимом Венеции, его мощи обеспечили независимость города. Крылатый лев Святого Марка символизирует мощь Венеции. Венеция с самого начала служила приютом для изгнанников и путников, была открытым городом, с готовностью ассимилирующим всех, кто появляется в его границах. Для немецких купцов было создано немецкое подворье, свои кварталы были у армян и албанцев, существовала колония турецких купцов, евреи селились в городе с XII века, в 1516 году было создано первое гетто. Голуби с площади Сан-Марко — самые избалованные в мире птицы, их охраняет древняя традиция города.

Ключевые слова: филология, культ Святого Марка, мощи, открытый город, чужеземные торговцы, подворья, евреи, гетто, голуби, камни Венеции.

Peter Ackroyd. Venice. Chatto & Windus, London, 2009.

Пришествие святого

В ранней истории Венеции произошло одно очень важное событие. В 828 г. туда привезли то, что считается мощами великого евангелиста, самого Святого Марка, и это полностью изменило характер и статус города. Рассказ об этом, в основе своей, оставался неизменным в течение веков. Речь идет о венецианских купцах — представителях класса, который с самого начала играл ведущую роль во всех делах венецианского государства. Буоно из Маламокко и Рустико из Торчелло поехали по торговым делам в порт Александрию. В чужой земле они разговорились со священниками церкви Сан-Марко, отвечавшими за сохранность мощей святого мученика, помещенных в древний саркофаг. Священники сетовали на гонения, которые католикам приходилось терпеть от сарацин, и опасались, что их прекрасная церковь может быть ограблена и разрушена. Венецианцы выслушали их с большим сочувствием, затем предложили священникам вернуться вместе с ними в Венецию, они также могли бы взять с собой мощи Святого Марка, что могло бы считаться платой за путешествие. Такова была сделка. Несмотря на некоторые опасения, священники согласились.

Мощи Святого Марка, развернув шелковый покров, заменили другими, менее известного святого, вынули из саркофага, поместили в сундук и пронесли на борт венецианского корабля,

но сначала спрятали останки под слоем свинины и капусты. Мусульманские чиновники, захотевшие осмотреть сундук, увидев свинину и ощутив ее запах, закричали «*Kanzir, kanzir*» («Ужас, ужас»). Мощи святого сначала завернули в парус и подвесили к нок-рее, но когда корабль вышел в открытое море, священный груз положили на палубу в окружении свечей и кадил. Таким образом, евангелист был благополучно перевезен в Венецию, но еще во время путешествия по Средиземному морю совершил ряд чудес.

Все благоприятствовало его прибытию. Таинственным образом Марк дал знать своим хранителям, что хочет, чтобы его отнесли во Дворец Дожей, а не в кафедральный собор, возводившийся в Оливоло. Мощи поместили в пиршественном зале, но вскоре на том месте, где сейчас находится базилика Сан-Марко, была построена часовня. Тогда там был луг, на котором росли деревья, а также был разбит фруктовый сад и огород. Все это удалили, чтобы можно было воздвигнуть часовню.

Приверженность Святому Марку вскоре превзошла приверженность предыдущему святому, Теодору, и в его честь была построена огромная базилика. Дворец дожей нуждался в святыне, чтобы укрепить свою легитимность, и, как можно предположить, святыня нуждалась в дворце, альянс между ними мгновенно повышал и статус дожа, и силу общины. Если находился кто-то достаточно безрассудный, чтобы усомниться в рассказе о божественном трофее, согласно позднему венецианскому историку,

нужно было «дать ему приехать в Венецию и увидеть прекрасную церковь монсиньора Сан-Марко, и посмотреть на фасад этой прекрасной церкви», на мозаики, правдиво изображающие всю эту историю. Возможно, такое свидетельство, нельзя представить суду, но оно в достаточной мере доказательно для благочестивых и верующих. Мозаики лишь самый явный пример культа Святого Марка. На большой арке, над правыми хорами базилики, можно найти сцену погрузки мощей Марка, там же корабль, плывущий в Венецию, там же сцена встречи мощей в городе. Мозаики конца двенадцатого века светятся благодаря тому, что изготовлены согласно византийской традиции. Мозаика — это филигрань на серебряной поверхности Венеции.

С самого начала культ Святого Марка был столько же светским, сколько религиозным. Он сделался иконой и эмблемой Венеции (вместе со своим крылатым львом), но всегда ассоциировался скорее с дождем, чем с епископом. Явное похищение мощей не представляло собой проблемы. Вскоре возникла легенда, что Марк, прежде чем сделаться епископом Александрии, был епископом Аквилеи, города, расположенного к северу от лагуны. В любом случае факт, что перемещение было совершено с благословения самого Марка, доказывал милость последнего. Желание Господа исполнилось. Иначе похищение не было бы успешным. Это один из тех нуждающихся в доказательстве доводов, которые так трудно опровергнуть. В тринадцатом веке был добавлен другой пласт этой истории. Утверждали, что Святой Марк однажды искал убежища от бури и чудесным образом укрылся на острове Риальто. Здесь, на месте будущей Венеции, ему явился ангел и провозгласил: «*Pax tibi, Marce. Hic requiescat corpus tuum*» — «Мир тебе, Марк. Твое тело когда-нибудь упокоится здесь». Разумеется, ни одного исторического свидетельства о том, что евангелист когда-либо посещал лагуну, не существует.

В любом случае, первоначальный вариант легенды вызывает много вопросов, не в последнюю очередь относительно фантастической цепи событий, которая привела к *translation*, переносу Марка. Что это своего рода похищение, кажется несомненным. Что святые мощи нашли приют в Венеции, тоже несомненно. Они могли быть или не быть мощами самого Святого Марка. Это могли быть любые древние мощи, окутанные благочестивым обманом не хуже любого другого покрова. Похоже, что на деле купцы были посланы в Александрию дождем именно с заданием заполучить мощи. Их перемещение в Венецию должно было поднять как священную власть дождя, так и значение самой Венеции. Венеция и Марк могли соперничать с Римом и Петром. Интересно, что Марк в свое время был секретарем Петра и Петр ссорился с Марком из-за его непослушания

и недостаточного благочестия; те же самые обвинения выдвигались против Венеции рядом пап. Со времени *translatio* у Венеции начались самые сложные отношения с Римом, который никогда не уступал в своих религиозных делах первенства понтифика.

Из этого *translatio* вытекало еще множество последствий. Присутствие святого, как считалось, защищало Венецию от нападения или блокады, и, таким образом, поддерживало веру в провозглашенную ею собственную неуязвимость. Венеция прожила, невредимая, до времен Наполеона. Благословение святого должно было также объединить острова лагуны под властью Венеции, и эта политическая и социальная перемена действительно произошла в течение двух или трех веков. Ходили слухи, что голова евангелиста осталась в Александрии, но венецианцы настаивали на целостности мощей. Цельность мощей служила также аналогичной природной взаимозависимости островов лагуны.

Также было немаловажно, что святой прибыл по морю. Море стало настоящей стихией Венеции, и не было лучшего способа освятить его, чем представить сверкающим путем божественного покровителя. На мозаиках базилики подчеркнут образ корабля на волнах. В более поздней легенде трое святых — Марк, Георгий и Николай, — взяв у рыбаков корабль, утихомиривают затаенный демонами шторм в лагуне. Сходя с судна, Марк дарит рыбаку золотое кольцо, которое тот, в свою очередь, передает дождю. Власть над морем передается от святого к моряку, а потом к вождю. Это один из основополагающих мифов о Венеции, связанный с постоянной борьбой города с водой.

Здесь есть также связь с вопросом свободной торговли, от которой зависела Венеция. Во время переноса мощей Марка на торговлю христиан и сарацин было наложено эмбарго византийского императора. Но вопреки запрету два купца перевезли свой священный груз из Александрии, возможно, расчистив путь остальным, менее драгоценным товарам широкого потребления. Это было выпадом против императора и хорошим предзнаменованием для купцов. Если не можешь заниматься сельским хозяйством, как говорили венецианцы папе, который выражал недовольство тем, что они торгуют с неверными, тебе остается ловить рыбу. А также святых. Говорили, что когда в Александрии открыли саркофаг, город наполнился восхитительным ароматом, похожим на аромат «сладких пряностей». Венецианские торговцы славились своей торговлей пряностями.

Мощи обеспечивали также независимость Венеции. Прежний хранитель города, Святой Теодор, был явно византийского происхождения. Заменив Теодора на Марка, Венеция обеспечила себе контроль над собственной судьбой. Святой Марк стал синонимом самой

Венеции. Такое впечатление, что половина венецианцев до сих пор получает при крещении имя Марко. Красный флаг Марка стал венецианским штандартом. Крылатый лев везде. Удивительные, если не чудесные, события 828 года гарантировали сущностную и окончательную автономию Венеции.

В 976 г. в Венеции в ходе восстания против правящего дожа произошел большой пожар. Церковь Сан-Марко была уничтожена огнем. В таком случае можно было бы предположить, что легковоспламеняющиеся мощи тоже погибли в огне. На самом деле они, по всей вероятности, были «утрачены» до 1094 г., когда по странной случайности часть колонны упала, открыв останки евангелиста. Было действительно чудом, что они уцелели при сильном пожаре. И, вопреки всему, святой остается с нами. Постоянно, вплоть до последних лет сообщается, что его останки лежат под высоким алтарем Сан-Марко. Летом 1968 папа Павел VI вручил некий фрагмент мощей евангелиста делегации иерархов коптской церкви, но утверждал, что остальные мощи по-прежнему находятся в Венеции. Большой палец Святого Марка, так же, как и золотое кольцо, которое он дал рыбаку, до сих пор хранятся в сокровищнице базилики. Древние кости продолжают жить в воображении людей.

Существует еще одно напоминание об этом святом, встречающееся по всему городу. Лев Святого Марка — это эмблема Венеции; его можно встретить в виде барельефа или в виде статуи, каменного и бронзового. Львов можно обнаружить на Дворце дождей и на часовне дожа, львы стоят перед венецианской верфью, они охраняют самые разные дворцы и общественные места. Каждое общественное здание Венеции когда-то несло на себе изображение этого зверя. Крылатый лев стоит на колонне у гавани. Лев был символом, религиозным и политическим. Львиный символ означает власть и патернализм. Он также символ справедливости. Все эти ассоциации связаны между собой, а лев постоянно присутствует на венецианских камнях и стенах.

Религиозные коннотации льва как спутника евангелиста ясны. Но лев может быть и жестоким. Он может быть агрессивным. Это способ символизировать мощь Венеции, если ее рассердят. Надпись, датированная серединой пятнадцатого века, гласит: «Смотри на крылатого льва! Я смиряю землю, море и звезды». Льва Святого Марка часто изображают с задними ногами в воде, а передними на суше, что означает претензии Венеции на господство как над морем, так и над материком.

Прибежище

Венеция воспринимается как большой корабль на море. Из-за непрерывного движения воды иногда воз-

никает впечатление, что почва Венеции тоже движется, наподобие палубы корабля. Ральф Уолдо Эмерсон писал в своем дневнике о пребывании в Венеции: «кажется, будто ты все время на море».

Образ государства как корабля известен, но приобретает особую уместность в городе, который чуть ли не плывет. Говоря о руководстве республикой, Франческо Фоскари, дож, правивший Венецией в начале пятнадцатого века, интуитивно прибегнул к языку моря. Он рассуждал о парусах и снастях, о ветре и течении, так что чувствовался его опыт моряка-практика. Такой язык венецианцы хорошо понимали. Например, проводилась аналогия между строительством в городе и постройкой корабля. Когда корабль с деревянным килем и шпангоутами построен, нелегко сказать, каковы были его первоначальные очертания, подобным же образом трудно определить, какова изначально была Венеция.

Острый треугольный мыс Доганы, или таможни, находится на острове Дорсодуро, рядом с Большим каналом, его часто сравнивают с носом корабля. На церкви Санта-Мария делла Салюте, сразу за мысом Доганы, статуя Девы Марии одета в форму *capitano da mar*, адмирала венецианского флота. Венецианские здания часто сравнивают с кораблями из-за их округлых и прямоугольных очертаний, с кораблями, превратившимися в камень и навсегда поставленными на мертвый якорь. Деревянные крыши некоторых венецианских церквей имеют форму корабельного корпуса, *forma di galea*. Круглые отверстия в домах по всей Венеции похожи на бортовые иллюминаторы.

Но самая важная аллюзия приберегается напоследок. Корабль был когда-то убежищем для ранних поселенцев. Корабль Венеции был, с самого начала, приютом для изгнанников и путников, открытым городом, с готовностью ассимилирующим всех, кто появляется в его границах. По словам одного путешественника пятнадцатого века, в Венеции «большинство людей иностранцы», а в следующем столетии один венецианец писал, что кроме аристократов и граждан «все остальные иностранцы и очень мало венецианцев». Его замечание касалось преимущественно лавочников и ремесленников. В 1611 г. английский дипломат, сэр Дадли Карлтон, описывал Венецию как «микрокосм, а не город». Венеция была создана больше на манер *orbis*, чем *urbis*. И такой она оставалась на протяжении всей своей истории.

Здесь жили французы и славяне, греки и фламандцы, евреи и немцы, восточные люди и испанцы наряду с многообразием жителей материковой Италии. Некоторые улицы были названы в честь них. Здесь были представлены все страны Европы и Леванта. Это замечали все путешественники: выйдя на площадь Святого Мар-

ка, они словно оказывались у подножия вавилонской башни. Ни в одном порту мира не было столько чужеземцев. На многих картинах девятнадцатого века в толпе среди строгих костюмов и цилиндров венецианских джентльменов видны длиннополые суконные кафтаны еврейских торговцев, алые фески греков и тюрбаны и халаты турок. Можно сказать, что венецианцы моделировали свою собственную идентичность в постоянном контрасте с теми, кто находился под их защитой.

Немцам была обеспечена их собственная «мини-тюрная Германия» в подворье, известном как Фондако деи Тедески, близ Риальто, где было два больших помещения для еды и восемьдесят отдельных комнат. За немецкими купцами наблюдало и следило правительство, но говорили, что «они любят город Венецию больше, чем свое отечество». В шестнадцатом веке здесь в больших количествах селились фламандцы. Собственный квартал, со своей собственной православной церковью, был у греков. После падения Константинополя в 1204 г. и после сдачи города туркам в 1453 г. последовал новый приток византийских греков — среди которых были солдаты, моряки, художники и интеллектуалы, ищущие покровителей. Свои кварталы были у армян и албанцев. В конце концов на острове Сан-Ладзаро был построен армянский монастырь, куда Байрон ездил изучать армянский язык, чтобы наряду с более чувственными удовольствиями Венеции, тренировать ум. Там была колония турецких купцов, Фондако деи Турки, где имела школа с изучением арабского языка. Таким образом, Венеция была местом, где процветал космополитизм. Но Венеция раскрывала пришельцам свои объятия не из альтруизма или щедрости. Без иммигрантов она бы не выжила. Некоторые из них поднялись до ранга граждан, некоторые вступили в брак с местными жителями.

Разумеется, иммигранты не были хорошо защищены. Тысячи бедняков ютились в дешевых жилищах, деля угол комнаты с другими своими соплеменниками. Многие из них приехали сюда как беженцы, спасаясь от Балканских войн или от невыносимой бедности, некоторые бежали от эпидемии чумы. Они сосредотачивались в беднейших кварталах, и к шестнадцатому веку в результате этого наплыва Венеция стала самым густонаселенным городом Италии. Иммигранты выполняли малооплачиваемую работу для города и даже работали на шлюпках военных судов. Они делали то, чем сами венецианцы занимались неохотно.

В четырнадцатом веке итальянский поэт Петрарка прославлял Венецию как «единственное убежище свободы, справедливости и мира, единственное прибежище добра в наши дни». Город-порт, естественно, воспринимался как убежище, укрытие. Пьетро Аретино, который сам бежал из Рима и обрел безопасность

в Венеции, формулировал это иначе. В адресе дожу в 1527 г. он пишет: «Венеция принимает тех, кого все остальные избегают. Она помогает подняться тем, кого все остальные унижают. Она оказывает гостеприимство тем, кого в других местах подвергают гонениям». В конце концов, здесь были изгнанники, приехавшие в Венецию по другим, не по торговым причинам. В этом открытом городе существовала терпимость, неизвестная в других регионах. Поэтому город стал, начиная с восемнадцатого столетия, пристанищем для тех, кого Генри Джеймс называл «свергнутыми, потерпевшими крах, разочарованными, уязвленными или даже просто скучающими». «Свергнутые» были отличительной чертой Венеции. Сюда уезжало множество свергнутых принцев Европы. В 1737 г. в городе жили пять изгнанных монархов, одним из них был юный Чарльз Эдуард Стюарт.

Венеция также была прибежищем для тех, кто пал духом, для странников и изгоев. Она стала домом для лишенных собственности и изгнанных. Ее пропитанной влагой, меланхолической натуре подходили люди, познавшие печаль. Город стал прибежищем для тех, кто не был уверен в своем происхождении или в своей истинной идентичности и, возможно, для тех, кто хотел от них скрыться. Он был как мать, бесконечно податливый и стоворчивый. Здесь было безопасно, как в утробе. Жители отличались благовоспитанностью и мягкостью. Венеция была городом транзита, где легко можно было затеряться в толчее, городом на границе между различными мирами, здесь благосклонно принимали тех, кто «не подходил» для своих родных мест. Например, в девятнадцатом и начале двадцатого века город стал притягателен для гомосексуалистов, которых привлекали мальчики и гондольеры. Сюда также приезжали обманщики и мошенники всех сортов, разорившиеся финансисты и проигравшие политики, опозоренные женщины и авантюристы, алхимики и шарлатаны. Людей без корней притягивал город без корней.

В Венеции была пограничной зоной между различными верами. Католичеством и православием, исламом и христианством. Поэтому здесь было так много религиозных реформаторов любого толка. Здесь в середине шестнадцатого века возник тайный синод анабаптистов, а среди членов немецкой общины приютилось много лютеран. Венеция всегда сохраняла дистанцию от Рима и защищала независимость своей церкви от посягательств папы, таким образом, она стала, теоретически, ареной религиозных обновлений. Был даже такой период, когда английское правительство полагало, что эта республика готова объединить свои силы с Реформацией. Как выяснилось, суждение было ошибочно.

Если ты потерпел крах, то Венеция самое подходящее место, чтобы о нем забыть. Здесь ты в буквальном смысле обособлен от внешнего мира, поэтому его пренебрежение или просто невнимание больше не могут тебя ранить. Венеция сама была бегством от современности во всех ее видах. И, как всякий порт, она гарантировала анонимность. Если ты был изгнанником в Венеции, то мог расстаться со своей идентичностью или, скорее, мог обрести новую идентичность, полностью соответствующую этому плавающему городу. Ты мог стать таким же текучим и неуловимым. Скажи мне, кто я. Но не кем я был. Это справедливо до сих пор.

Пожалуй, в том, что город, который охотно предоставлял убежище иностранцам и изгнанникам, дал миру слово «гетто», есть ирония. Кажется, что гетто, маленькая островная община, естественно возникает в венецианских условиях; действительно, венецианское гетто сделалось Венецией в миниатюре, и это поможет нам понять природу самого города.

Евреи стали селиться в городе самое позднее в двенадцатом веке, и в 1152 г. их число достигло тринадцати сотен. Жить в самой Венеции им не позволялось, но они селились на соседнем острове Спиналунге, впоследствии переименованном в Джудекку. Два столетия спустя они получили разрешение селиться в городе. Место для их кладбища было отведено в песках Лидо и ограждено частоколом, чтобы защитить еврейских мертвецов от «гносностей» венецианцев. Но евреи всегда были объектом предубеждений и истерии основного населения, движимого предрассудками или жаждой отнять у евреев их богатство. Евреям были запрещены все профессии, за исключением медицины, и все виды коммерческой деятельности, кроме ростовщичества, их осуждали за это занятие, но им не оставалось ничего другого.

В начале шестнадцатого века их жилища были разбросаны по всему городу. В этот период ряд военных поражений в битвах с другими итальянскими городами на материке, заставил венецианцев думать, что причиной неудач, очевидно, стала излишняя терпимость части горожан к убийцам Христа в своей среде. Гнев Божий обратился против Его избранного города, что усиливало тревожность, которую, судя по всему, венецианцы испытывали всегда. Поэтому 29 марта 1516 евреи были заключены в первое гетто. Оно было расположено на границе северного района, известного как Каннареджо, на некотором расстоянии от священных мест города. Очевидно, название происходит от прежнего использования этой отдаленной территории для литья пушек. Глагол, обозначающий литье металла, звучит как *gettare*. Существительное, обозначающее отливку — *getto*. К

этой территории были добавлены два прилегающих квартала. Так сложился комплекс гетто.

Идея была не нова. Немецкие купцы уже были приписаны к своим кварталам, где находились под надзором и где с них без труда можно было собирать налоги. Туркам вскоре предстояло последовать за ними. Подобная политика разделения и отгораживания была уже опробована в венецианских средиземноморских колониях. В основе управления Венецией лежал прагматизм. Разумеется, такой прагматизм под другими небесами, в других культурах мог стать убийственно грубым. Венецианцев всегда заботило определение и создание пространства. В таком случае, что может быть более естественным, чем изобретенное ими гетто? Однако идея не была самой милосердной. Священное государство в некоторых отношениях превращалось в рационалистическое. Где-нибудь еще эта комбинация могла оказаться фатальной.

Венецианское гетто обладало некоторыми особыми, характерными чертами. Оно было, или сделалось, бедным и переполненным. Окруженный стеной маленький остров с одним мостом, связывающим его с остальной Венецией. Обитателям гетто разрешалось покидать его, когда на рассвете на колокольне Сан-Марко звонил колокол *marangona*, но с закатом они обязаны были вернуться. В это время разводной мост поднимался. Евреи оказывались запертыми на ночь. Пространство было настолько ограничено, а наплыв обитателей настолько велик, что дома в гетто становились все выше и выше, вплоть до восьми-девяти этажей. Здания были разделены на квартиры, в каждой из которых жило четыре-пять семей. Рассказывали, что некоторым приходилось спать в разное время суток, поскольку на полу было слишком мало места. Рильке пересказывает историю одного многоквартирного дома в гетто, который поднимался все выше и выше, пока его обитатели в конце концов не увидели море. Это весьма значимая венецианская легенда.

На самом деле все окна смотрели внутрь, на центральный внутренний двор, или *campo*. Визуального контакта между иудеями и христианами не должно было существовать. Считалось, что иудеям не следует видеть святыню, которую проносят по близлежащим христианским улицам. Такова была степень латентной тревоги венецианцев. Поэтому снаружи необычно высокие здания казались каменными утесами. У ворот на мосту днем и ночью стояли стражники. Соседние набережные были обнесены стенами. Две лодки патрулировали близлежащую зону. Гетто напоминало крепость или тюрьму. Да и сам город стал в некотором роде тюрьмой для своих обитателей. Евреи должны были носить знак принадлежности к своей нации. Сначала это был круг из желтой ткани размером с четырехпенсовую булку,

который нашивали на грудь уличной одежды; затем это стала желтая шляпа, затем красная. Половая близость между евреями и христианами была запрещена. Любой еврей, застигнутый на месте преступления с христианкой, нес кару: ему отрезали яички.

К концу шестнадцатого века стали раздаваться жалобы, что гетто «днем и ночью служит убежищем вора и распутникам, там все время вспыхивают ссоры, стычки с применением оружия, раздаются угрозы». Но в то время подобную фразу можно было сказать о любом городе. Три столетия спустя французский писатель Теофиль Готье проклинал гетто как «зловонное, продажное место». Но в тот период такому описанию соответствовала большая часть Венеции. Гетто отражало природу этого большого города, и в этом микрокосме в микрокосме все выглядело более выпукло и ярко.

В гетто были подпольные игорные дома, так же, как в большом городе, где проигрывались или выигрывались огромные суммы. Гетто давало приют людям многих языков и наречий — испанскому, португальскому, греческому, итальянскому, немецкому, левантинскому — как и сам город. Гетто было жестко организовано и контролировалось еврейскими руководителями, которые следовали примеру венецианских аристократов. На праздник Пурим евреи надевали маски и костюмы совершенно венецианского фасона. Этот праздник считался «Еврейским карнавалом». Обитатели гетто отличались умением петь и играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и сами венецианцы. К началу семнадцатого века в стенах гетто была даже музыкальная академия. Евреи устраивали изысканные театральные представления. Множество еврейских женщин одевались по последней моде, в бархат и плюш, вельветин и кружево. Они были насквозь «венецианизированы», то есть, настолько, что строгие раввины порицали их за мотовство и чувственность. Гетто сделалось второй Венецией.

В этом одна из загадок города. Он без труда вторял себя во всех самых разных своих районах и учреждениях; его природу и структуру бесконечно воспроизводили, возможно, неосознанно преклоняясь. Каждая община в составе Венеции, будь то ремесленная гильдия или мастерская, становилась республикой в миниатюре. Город был настолько силен, что его образ стал притягательной парадигмой. Тысячи городов сливаясь, составляли город Венецию, подобно тому, как тысячи языков пламени создают костер.

Сами евреи не презирали гетто. Оно стало их домом, убежищем, тем, чем сама Венеция была для первых поселенцев. Оно сделалось для них местом отдыха. Испанские и португальские евреи, например, были счастливы найти здесь пристанище. Гетто стало

центром иудаики и центром еврейских издательств в Европе. Здесь было средоточие раввинической культуры. Несмотря на дурную репутацию, гетто оставалось для евреев основным местом молитвы и духовности, размышлений над священной судьбой самой Венеции. Оно также давало практическую защиту против вспышек антисемитизма среди черни.

В течение дня в гетто находились как иудеи, так и христиане, ведь на самом деле гетто таило в себе некую прелесть для части венецианского общества. Правительство Венеции пыталось не допускать участия граждан, скажем, в представлениях в Пурим, но перед растущими протестами оставило эти попытки. Некоторые венецианцы к тому же регулярно посещали синагоги, слушая известных или особо одаренных раввинов. В свою очередь, раввины ходили на проповеди в венецианские церкви. На самом деле, между евреями и венецианцами существовала более глубокая близость, чем они хотели бы признать. У них было много сходных черт. Для тех и других очень важны были обычаи и церемониалы. Венецианских аристократов часто описывали как степенных и исполненных достоинства, подобным же образом говорили и о еврейских старейшинах. И венецианские торговцы, и евреи были предметом вульгарной предвзятости. Другие страны обвиняли их в «ненасытной алчности» и в «сговоре с целью всех разорить». Остальной мир верил, что Венеция необычайно богата, хотя любой ценой старается скрыть свое богатство. Против евреев подобные обвинения выдвигались во все времена. К ним относились одинаково. И тех и других ненавидели.

Так что в Венеции были терпимы к евреям, как ни в одном другом европейском городе. Здесь нет примеров народной ненависти или дурного обращения, хотя время от времени сообщалось, что венецианцы пьют или венецианские дети пляшут на еврейском кладбище на острове Лидо. К евреям относились терпимо, возможно, потому что они приносили доход. Не следует забывать о принципе коммерческого расчета, проходившего через все действия Венеции. Евреям было разрешено открывать торговые заведения только при условии уплаты высоких пошлин. Торговля, которая пришла в Венецию благодаря еврейским купцам и лавочникам, приносила огромную пользу самим венецианцам. Родня венецианских евреев зачастую отправляла в этот город свои капиталы. Во времена частых кризисов на гетто ложились тяжелые налоги. В первые десятилетия семнадцатого века считалось, что общий доход, полученный от гетто, был примерно 220 000 дукатов, сумма гораздо большая, чем любая собранная в венецианских заморских материковых колониях.

Но кроме упоминания о налогах и дукатах, здесь можно привести и более возвышенную ассоциацию.

Знаменательно, например, что и венецианцев, и евреев отличало священное почитание закона и святая вера в свой народ. И те и другие были озабочены судьбой своей родной территории как общинного наследия. И те и другие считали, что их конституция представляет собой сущность договора между богом и людьми. И те и другие чтит своих предков и с необычайным уважением относились к обычаю и традиции. Евреи знали, что зависят друг от друга, общественная жизнь считалась даже более священной из-за общей цели и необходимости самосохранения. Разве это не напоминает нам венецианское государство? Эти две культуры были отражением друг друга.

Вопреки природе

Когда-то в Венеции было множество садов. В шестнадцатом веке их насчитывалось пятьсот, уютно расположившихся в городе и живущих своей свежей, полной чудесных ароматов жизнью. Но Казанова в восемнадцатом веке замечает, что «сад в Венеции редкость». В середине двадцатого века, судя по подсчетам, их сохранилось всего шестьдесят. С тех пор это число могло еще уменьшиться. Но там все еще есть сады, уединенные и тихие, защищенные стенами и воротами, своеобразные зеленые оазисы в каменной жизни города. В прежнее время в маленьких садах росли лиственницы или кипарисы, или лавры. В больших садах были разбиты цветочные клумбы, посажены аллеи фруктовых деревьев, на которых висели клетки с певчими птицами, чтобы создать иллюзию природы. В большинстве садов были также храмы и фонтаны, и тщательно спланированные крытые веранды. По улицам и площадям плыл аромат фруктов, жасмина и вечнозеленых вьющихся роз.

Любовь венецианцев к цветам можно сравнить только с их любовью к зданиям. Здесь были разносчики-продавцы гладиолусов и тубероз и других цветов, выращенных на материке. Описывая их в 1623 г., сэр Генри Уоттон создал новое английское слово «*florist*» — «цветочник». Оно легко вошло в словарь. В день Святого Марка у молодых венецианцев было в обычае дарить своей возлюбленной розовый бутон. В запечатленных на холсте изображениях Венеции пятнадцатого века видны бесчисленные горшки гвоздики, загромождавшие подоконники. Но вкусы меняются. В первые десятилетия двадцатого века цветком Венеции стала аспидистра. Здесь был все же один местный цветок. Цветок лагуны, *fiore di barena*, одевающий плоские болота фиолетовым плащом. Он оставался символом тех времен, когда Венеция сама была всего-навсего частью дикой, нетронутой природы.

В самой лагуне были острова-сады. В пятнадцатом веке преобладали виноградники и монастырские сады.

Остров Джудекка до последнего времени был раем для садов. На острове Торчелло росли виноградные лозы и гранаты, олеандры и акации, фиги и бузина; он обладал плодородной почвой, подходящей для маиса и артишоков. Когда-то оливковые деревья росли по всей Венеции. Остров Каstellо, где стоит городской собор, в свое время назывался Оливоло. Оливковое масло было прибыльным товаром.

Но в самом городе не имело смысла возрождать или обновлять это присутствие флоры. Как уже говорилось, венецианцы предпочитают мрамор растительности. В Венеции место природы заняла архитектура. Она намекала на природу самым благочестивым и утешительным образом. Это одна из тайн венецианского строительства. Камень зданий приобретает форму листьев и ветвей. Сотни колонн Сан-Марко составляют священный лес. Дерево становится камнем. Камень становится деревом. Большие дома можно также сравнить с коралловыми рифами.

Чтобы воссоздать природу, необходимо искусство. Среди венецианских живописцев начала шестнадцатого века существовала мода на пасторальные сцены. Но мир природы изображался без жизни, нетронутым и ненаселенным. Здесь есть овцы. Есть живописные сельские дома. Есть леса и родники. На переднем плане нимфы и пастухи. Внутренняя реальность сельской жизни остается нераскрытой. Трава изображается, как, скажем, если бы это был бархат, совершенно так же, как на венецианских мануфактурах производили бархат, напоминающий траву.

Природную жизнь города скорее можно было вообразить, чем увидеть. Почувствовать под слоями камня. Байрон называл Венецию «самым зеленым островом своего воображения» — парадокс, который мог создать только он. Героя новеллы «Смерть в Венеции», Густава Ашенбаха, посещает видение: «ландшафт... тропические болота... подобие дебрей первозданного мира, с островами, топиями, с несущими ил водными протоками». Это сама Венеция в своем первоначальном виде. Но такого города больше никто не увидит.

Какие животные населяли этот каменный город? Когда-то здесь паслись овцы и быки. Бродили лисы и даже волки. По улицам Венеции двигались кони и мулы. В 1177 г. мул вез на себе папу Александра III по улицам Венеции, а в 1361 г. дож с одиннадцатью аристократами въехали в город верхом. Венецианцы с давних времен славились своим искусством верховой езды и не оставили этого занятия по сей день. В 1310 г. для подавления заговора против дожа на площади Сан-Марко собрались и построились восемьдесят всадников. На этой площади происходили спортивные состязания, и, присутствуя на одном из таких выступлений, Петрарка заметил, что ве-

нецианцы своим искусством верховой езды и владением оружием могли бы сравняться «с самыми жестокими воинами мира». До запрета эдиктом 1359 г. устраивались скачки по мосту Риальто. Одним из основных звуков в городе был стук копыт и ржание лошадей. Однако это долго не продлилось.

В 1611 г. английский путешественник Томас Кориат записывает, что во всем городе встретил только одну лошадь. В конце концов, на улицах запретили лошадей. Там просто не хватало места, а распространение каменных мостов со ступеньками стало следующей помехой. Лошади в Венеции были так редки, что в 1789 г. миссис Трейл видела вереницу горожан, выстроившихся в очередь, чтобы посмотреть на чучело лошади. В самом деле, к восемнадцатому веку над венецианскими аристократами смеялись из-за того, что они умели кататься только в гондоле. Это показывает, что при отсутствии практики природное умение может исчезнуть. В городе можно увидеть лишь лошадей, неподвижно застывших в металле. Четверка бронзовых коней, вздымающихся на фасаде Сан-Марко, трофей войны из Константинополя, — это символ города, где естественная жизнь заканчивается.

Кошки и собаки были и остаются популярны в Венеции. Когда-то город был полон сторожевых и охотничьих собак, их использовали в лагуне. Но спустя столетия в Венеции остались относительно небольшие, комнатные собачки, вполне соответствующие городскому пространству. Собакам нравится, в частности, запах старого камня. У них явно выраженное ощущение территории, как и у самих венецианцев. Венецианские живописцы любили собак. Их присутствие на холсте нравилось Карпаччо. На одной из его самых известных картин, которая теперь находится в Сан-Джорджо дельи Скьявони, маленький терьер выжидательно смотрит на Святого Иеронима (или, возможно, Святого Августина), застывшего в божественном экстазе. Естественное ошеломленно смотрит на сверхъестественное. Карпаччо также рисовал собак на страже, собак спящих, собак на верандах и собак в гондолах. Собаки принадлежали не только аристократам. Почти в каждом номере местной газеты в восемнадцатом веке, «*Gazetta Veneta*», содержатся объявления о потерянных собаках. Венецианцы держали собак как один из символов большого мира природы, мира, которого они лишились в своей борьбе за выживание. В современных речных трамвайчиках, *vaporetti*, все собаки ездят в намордниках.

Котов в Венеции воспринимали как «маленьких львов». Они часть этой территории. От природы они ленивы. От природы они наблюдательны, и могут провести большую часть дня, просто глядя вокруг. Но коты, в отличие от большинства пород собак, не любят воду. В разных районах города и по сей день встречаются

группы одичавших кошек. Они наводняют рыбный рынок. Их можно увидеть на карнизах, на ступеньках, под мостами, на площадях. Особенно много кошек на площади Святого Лоренцо. Разумеется, они полезны тем, что ловят крыс. Крысы — одно из проклятий Венеции, хотя они на удивление редко упоминаются в литературе об этом городе. В Венеции существует поговорка, «в каждом доме есть крыса», что означает примерно то же, что «в семье не без урода». Но поговорку можно воспринимать и буквально.

Именно успехи кошек в борьбе с этой напастью, скорее всего, породила венецианское суеверие: тот, кто убьет кошку, в течение года умрет, а с тем, кто покалечит кошку, произойдет несчастье. Это не останавливало закоренелых ненавистников кошек. В республике бывали внезапные таинственные вспышки отравлений и существовал странный ритуал, в котором кошку, привязанную к доске, венецианская толпа убивала, «бодая» головой. Тем не менее, в республике всегда воспевали жизнь животных. Живопись позднего средневековья и раннего Возрождения полна изображений животных. Карпаччо и Кривелли, Тинторетто, Веронезе, Беллини рисовали котов и собак, соколов, оленей и фазанов. Тициан изображал белых кроликов. В любом случае, существовало желание постичь мир природы, который, в действительности, был недостижим, и чем он был неумовимее, тем горячее его любили.

По всей Венеции можно было увидеть вольеры и клетки с поющими птицами, еще одно напоминание о существовании где-то в других местах природной жизни. Любимцами были ярко окрашенные птицы — попугаи, канарейки и зяблики. Всех этих птиц, разумеется, привозили. В шестнадцатом и семнадцатом веках на главной торговой улице, Мерчерии, аптекари для рекламы своей профессии держали клетки с соловьями. Джон Ивлин писал, что «закрыв глаза, можно представить себе, что ты за городом, в то время как на самом деле находишься посреди моря». Погоня за природой была для венецианцев способом забыть о неестественном и рискованном положении, в котором им приходится жить.

Браунингу нравились в Венеции чайки. Эти птицы редко упоминаются в хрониках города, хотя чаек, наряду с серыми журавлями и дикими утками, следует считать коренными птицами лагуны. Они тоже были частью мифа города, ведь именно полет птиц привел первых поселенцев к островам лагуны. Существует легенда, согласно которой голуби с площади Сан-Марко — прямые потомки тех стай, за которыми следовали изгнанники из города Одерцо, убегая от варваров. Ласточки дарят совсем другое благо. Они появляются летом и истребляют москитов, это бедствие стоячих вод.

Те, кто приезжают в Венецию, непременно видят голубей. Те, что живут на площади Сан-Марко — самые избалованные и самые охраняемые птицы в мире, они неприкосновенны для проходящих мимо людей. Во время морозов или сильных ливней они буквально сбиваются в кучу, налезая друг на друга, создавая и поддерживая тепло. Они знают, что им не грозит опасность со стороны хищников и что их никто не побеспокоит. Таким образом, у них выработалась единственная в своем роде форма поведения, характерная для животных на уединенных островах в далеком море.

Они защищены древней традицией, которая в Венеции священна.

Рассказывают, что как-то в Вербное воскресенье голубей выпустили из базилики Сан-Марко, привязав к их лапкам небольшой груз. Стесненные в движениях, они стали легкой добычей для обеденного стола венецианцев. Но часть птиц каким-то образом избежала гибели и нашла убежище в нишах и на уступах собора Сан-Марко. Таким образом, они получили защиту благодаря вмешательству самого святого. После этого они стали культовой птицей. И эта история продолжается. Действительно, дневную норму корма им предоставляют из государственного зернохранилища (подобный обычай существовал в Персии и на юге России), а побеспокоить их или ранить каким-либо образом считается правонарушением.

Сейчас в городе сорок тысяч «голубей Святого Марка». Зерном для них торгуют на площади девятнадцать венецианских семей. Этой божественной раздачей пищи наслаждаются птицы, к которым Элизабет Барретт Браунинг обращалась как к «священным голубям». В течение последних лет было предпринято несколько попыток ограничить их число, так как они представляют собой угрозу здоровью горожан, а их помет разъедает драгоценные камни города. Их травили, ставили ловушки, даже применяли противозачаточные средства. Все попытки провалились. Они летали и порхали по площади Сан-Марко с тех пор, как она была создана. Почему они должны сейчас покинуть ее? А если их удалят, станет ли сама площадь сколько-то благороднее или безопаснее? Вопрос спорный. Трафальгарская площадь теперь, когда ее собственные голуби изгнаны, кажется оголенным и даже пустынным пространством. Птицы — часть души места. Они — оживший серый камень, ставший мягким на ощупь.

Существовало множество способов, которыми Венеция боролась с природой. Ее душа и бытие были отданы битве с морем, и вечное соперничество, видоизменяясь, проникло во все остальные сферы венецианской жизни. Например, венецианцы стали удивительно ис-

кусными, «принуждая» растения. Они умели заставить цвести розы и левкой не в обычное для них время года, у них были чудесно пахнущие розы в январе. В первой половине двадцатого века у венецианцев было обычное дело красить цветы: на продажу шли оранжевые и голубые розы или розовые и фиолетовые маргаритки. Но это, несомненно, примеры очень давней практики. Любовь венецианцев к цвету хорошо известна. Почему бы не распространить то, что было на холсте, на более эфемерный мир?

Венецианцы были очарованы идеей регулярных садов, предпочтение отдавалось самым сложным. На их виллах на материке, около Brenty, сады были симметричны, с самыми разнообразными водоемами и фонтанами и скульптурами в гротах и пещерах. В оранжереях росло множество редких привозных растений, а живые изгороди подстригали в форме лодок или животных. Мраморные статуи, изображавшие нимф и богинь в натуральную величину или большего размера, красовались на фоне пасторальных ландшафтов, модных в начале шестнадцатого века. Для этого времени характерен всеобщий интерес к практике садоводства, постоянное стремление контролировать и совершенствовать мир природы. Под контролем находилось все. Венецианские аристократы наслаждались своей победой над природой — или, скорее, своим природным умением манипулировать ею в своих целях. Кроме всего прочего, это был основной урок истории республики. Тонко, но осязаемо город демонстрирует неоднозначную область между естественным и искусственным, наводя на мысль о том, что может существовать некая третья данность.

Камни Венеции

Венеция скорее, город камня, чем земли или, скажем, листьев, не делает ли это ее нереальным городом? Освальд Шпенглер полагал, что развитие цивилизации характеризуется переходом от растения к камню, в этом отношении Венеция может считаться самым цивилизованным городом. С начала пятнадцатого века, когда деревянный город стали постепенно сносить, Венеция сделалась маленьким царством камня. Ее надежность и стабильность казались еще осязаемее оттого, что ей постоянно приходилось взаимодействовать с водой.

В Венеции нет природного камня, его приходилось покупать или красть. Такое случалось в прошлом этого плавучего города. Был период, когда после взятия Константинополя каждый корабль, плывущий из этого города в Венецию, должен был взять груз камня. Он использовался как балласт. Но в большинстве случаев камень приходилось покупать. Мрамор Венеции приби-

вал из Каррары и с острова Парос. С Эуганских холмов привозили трахит, он использовался для мощения улиц и площадей, *calli* и *campi*. Темный или красноватый камень ввозили из Вероны, в нем были вкрапления гальки и обломков более твердого камня, напоминавшие острова, разделенные проливами. Более легкий камень из Вероны, розовый и серый, может менять тон в зависимости от времени года и освещения. Он необыкновенно подходит городу. Розовый гранит и порфир привозили из Египта. В ход шел также камень от старых церквей и домов на островах лагуны. Камень настолько ценился, что его использовали снова и снова. В непрерывном процессе возрождения основой для новых зданий служили развалины. Плиты с римских могил становились частью стен христианских церквей. Алтарь богу солнца из Аквилеи был использован в баптистерии Сан-Марко. Можно сказать, что Венеция была построена на античности. Она приютила прошедшие века.

Встречались и более экзотические камни. Венецианцы любили колористические эффекты агата и малахита, аметиста и сердолика. На фасаде Ка' д'Оро, дворца на Большом канале, использован ультрамарин, изготовленный из порошковой ляпис-лазури, доставленной из Бадахшана. Венецианцы любили цветной, с прожилками камень — зеленый порфир и черный гранит, камень с красноватыми полосами на белом фоне, камень с белыми полосами на оранжевом фоне. В соборе Сан-Марко более пятидесяти видов камня.

Но основной камень Венеции добывали в Истрии. Камень из Истрии выносил жару и холод, легко поддавался обработке и, что самое важное, напоминал родственный ему мрамор. Отполированный, он был едва отличим от мрамора. Очередной пример венецианской страсти к «видимости». Этот камень использовался как фундамент для дворцов и церквей. Использовался для скульптуры, для дверных и оконных рам, для колонн и замковых камней, для набережных и щитов гербов.

Тут есть один важный момент. Это был известняк. Он возник под действием моря и представляет собой невообразимую смесь миллионов морских существ. Он — сущность моря. Когда Оден в «Хвале известняка» изображал известняковый пейзаж, ему слышался шепот подземных ручьев. Известняк неразрывно связан с жизнью и историей воды. Сам мрамор тоже известняк, затвердевший и настолько изменившийся, что может лучше противостоять воздействию морского воздуха. Вот почему его, как правило, употребляют для фасадов церквей и дворцов. Таким образом, море, пройдя ряд метаморфоз, стало камнем Венеции. Известняк светится внутренним светом океана. Он блестит. Он сияет. Он мерцает. Город не раз описывали как мраморный лес, вытянувшийся кверху, выросший из окаменевших

деревьев, лежащих в его основании. Рескин посвящает целые страницы книги с точным названием «Камни Венеции» описанию листьев и цветов, изваянных из камня, эти украшения настолько тщательно выполнены, что каждый каменный виноградный лист отличен от остальных. Ветки и свившиеся вместе усики, листья и грозди винограда в различных положениях, каждая жилка листа точно скопирована. Это способ не только запечатлеть природу, но и спародировать ее.

Венецию посещают именно из-за ее камня. Потому что для путешественника это, скорее, город зданий, а не людей. Жизнь города — это камни. Здесь существует традиция священных камней. В фасады дворцов вделаны византийские каменные кресты. В стенах многих церквей и домов обнаружены композиции из овальных камней и каменные кресты. Над готическими дверными проемами, как правило, размещен каменный тимпан, треугольное поле фронтона, с вырезанными на нем ангелами или святыми. Камень был способом воплотить дух. Здесь есть камни веры и камни текстов, с цитатами из Библии, написанными над притолокой, есть камни закона, на которых вырезаны правила и указы, есть камни наказания, местá публичного суда и казни, есть камни бесславия, отмечающие местá предательства и бесчестья, так, текст на каменной колонне сообщает, что она «была воздвигнута для публичного обозрения, чтобы устрашать некоторых и служить вечным предупреждением всем». Эти символы восходят к очень давним временам, к первобытной вере в камень как изображение бога, вере, существующей в таких различных культурах как культура Индии и кельтской Европы, Меланезии и Северной и Южной Америк. Эти верования сохранились благодаря особым обстоятельствам плавучего города. Драгоценные камни были в то же время и магическими. Рильке как-то назвал Венецию «каменной сказкой»

Венецианские живописцы расточали свое богатство красок и свою фантазию камню. У Карпаччо и Веронезе, Беллини и Тинторетто существуют картины с перспективой, открывающей вид на каменоломни, карьеры, залежи камня. Это пейзаж их воображения. Художники с глубоким почтением относились к общественным зданиям Венеции. Их объектами были лестницы и колонны, коридоры и башенки. То же внимание лежит в основе позднейшего детального воспроизведения Каналетто городской архитектуры. Живописное полотно Каналетто «Двор каменотеса» это раздумье о силе и возможностях камня. У его полотно, как правило, кирпично-красный фон.

У Венеции была тайна. Ее можно представить как город, сложенный из кирпича, и это будет точно и верно. По большей части, дома построены из кирпича,

искусно облицованного мрамором или штукатуркой. Это иллюзорность в самом глубоком смысле. Дворцы построены из кирпича. Церкви и жилища — из кирпича. На самом деле это город обожженной глины, изъятый из материковой земли. Но он одет в мрамор и известняк в знак преклонения перед морем, а не перед землей.

Кирпич и камень венецианских зданий иногда сравнивают с плотью и костяком человеческого тела. Свечение известняка уподобляют свечению плоти. Да, камни могут жить и двигаться. Камни Венеции кажутся легкими. Здания насыщены воздухом, готовы подняться со своего места стоянки и взлететь в небеса. Когда рассказчик в Прустовском «Обретенном времени», споткнувшись у входа в особняк Германтов в Париже, возвращается во времени к тому моменту, когда стоял на двух неровных булыжниках баптистерия Сан-Марко, это видение наполняет его ошеломляющей радостью, уничтожая время и пространство в созвучном ощущении прошлого и настоящего. Камни Венеции дарят ему радость и безразличие к смерти.

Камни Венеции окружены множеством легенд и суеверий. В некоторых мраморах прожилки принимают удивительные очертания. Мраморные плиты распиливают таким образом, чтобы выявить богатую текстуру материала. На двух плитах из облицовки внутренних стен Сан-Марко в рисунке прожилок можно увидеть бородастого отшельника с молитвенно сложенными руками. Едва ли в этом здании найдется камень, который не был бы освящен легендой или каким-то слухом. Здесь можно найти скалу, из которой Моисей добыл воду. Здесь есть камни, по которым ходил Христос или на которых запеклась его кровь. У южной стены

базилики, обращенной к Пьяцетте, стоят две группы фигур из порфира. Считается, что это четыре сарацина, которые были обращены в камень при попытке украсть из базилики ее святыню.

В другой части Венеции, на Салидзада дель Пиньятер, на самом верху арки низкого портика находится кирпичное сердце, если его коснутся влюбленные, их страсть будет длиться вечно. Статуи могут внезапно сдвигаться с места или исчезать. В ночь Страстной пятницы статуя Иуды с церкви Мадонна-дель-Орто, как говорят, летит в Иерусалим, ее сопровождают каменные изображения Правосудия и Веры с крыши той же самой церкви. Статуя купца, которую и сейчас можно увидеть перед одним из домов в Венеции, судя по рассказам, в феврале, когда воздух холоднее любого камня, плачет. Добрые и невинные люди, коснувшись рукой груди купца, слышат, как бьется его сердце. Во множестве городских легенд можно заметить самый главный страх венецианцев — страх оживающего камня. Существуют истории об оживших каменных львах, о колдунах, которые могут обратить камень в живое существо, об одной из колонн Сан-Марко, из которой туманными ночами сочится кровь. Если Венеция превратила природный мир в камень, то, возможно, ее тайным стремлением было желание обратить чудо вспять и снова стать свежей и плодоносящей. Камни выражают стремление к смерти, эту тенденцию и эту жажду можно обнаружить в любом городе. Бог создал мир природы, как учили венецианцев, а город создало человечество. После убийства Авеля Каин стал основателем городов. В городах воплощено проклятие и разрыв связей с природой. Венеция олицетворение этого.

Список литературы:

1. Crouzet-Pavan, Elisabeth, Venice Triumphant [text], Baltimore, 2002.
2. Fei, Alberto Toso, Venetian Legends and Ghost Stories [text], Treviso, 2004.
3. Grundy, Milton, Venice [text], London, 1980.
4. Keahey, John, Venice Against the Sea [text], New York, 2002.
5. Hodgson, F.C., The Early History of Venice [text] London, 1901.

References (transliteration):

1. Crouzet-Pavan, Elisabeth, Venice Triumphant [text], Baltimore, 2002.
2. Fei, Alberto Toso, Venetian Legends and Ghost Stories [text], Treviso, 2004.
3. Grundy, Milton, Venice [text], London, 1980.
4. Keahey, John, Venice Against the Sea [text], New York, 2002.
5. Hodgson, F.C., The Early History of Venice [text] London, 1901.